

Василий Загорский

БАРОН
АМИНИН
И СМЕРТЬ В МАСКАРАДЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-14

Василий Загорский
БАРОН АМИНИН И СМЕРТЬ В МАСКАРАДЕ

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Алисы Аспер*
Дизайн переплета *Василия Половцева*

Загорский, Василий.

3-14 Барон Аминин и смерть в маскараде / Василий Загорский. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Магический детектив на все времена).

ISBN 978-5-17-185849-0

На маскараде в доме князя Голицына происходит убийство Анны Измалковой. Рядом с ней оказывается ее муж — старик лет пятидесяти с безумным видом, держащий окровавленный нож. Помимо полиции, в дело вступают надворный советник Феликс Аминин и его помощник Терентий Косолапов.

Пристав считает дело ясным: Анна Тимофеевна была уличена супругом в измене и убита из ревности. Однако Аминин и Косолапов обнаруживают, что некоторые детали в деле не сходятся. Эти несостыковки заставляют их продолжить поиски истины, ведь за очевидным мотивом, похоже, скрывается куда более сложный замысел.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185849-0

© Загорский В., 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕГО СВЕТЛОСТЬ

Зимние дни в Российской империи короткие, особенно на севере, пусть и не дальнем, а где-нибудь в окрестностях Санкт-Петербурга. Только еще разгулялся день, только рассиялся холодным светом на белых полях и на засыпанных снегом верхушках сосен — ан глядь, уже и вечер подкатывает, томительный, темный, а за ним и непроглядная, как колодец, ночь, и ни единой звезды на мутном с бледной поволокою небе.

Но между днем и вечером есть краткий миг неопределенности, именуемый сумерками. Снег вокруг становится тусклым, голубеет, да и сам воздух, не потеряв еще прозрачности, делается синим, колдовским. Мир еще различим взглядом, но все теряет четкие очертания, и перейдена уже зыбкая грань, и выступает на первый план нечто, чему нет названия, и исчезает все, что казалось ясным и устойчивым.

И упаси вас Бог быть застигнутым сумерками в бесконечном обледеневшем поле или под мрачными сводами зимнего леса. Выйдет из своего укрывища хвостатый господин, серый волк, завоет тоскливо, и никто не даст тогда и полушки за жизнь путника, и верный конь не спасет — волк догонит, легколапый, прыгнет, сомкнет зубы на трепещущем теплом горле, перекусит, будет слизывать жаркую красную кровь, толчками выходящую из артерий...

Но волк еще не вышел из логова, а последние лучи зимнего солнца еще плывут в огненно-желтом закате, еще видна с высоты птичьего полета дорога, идущая пообочь поля. По дороге этой, по укатанному снегу несутся, скрипят полозьями крестьянские сани, влекомые бойкой каурой лошаденкой. В санях развалился, дергает за вожжи сорокалетний Савелий Ямщиков — крепостной человек обедневших дворян Измалковых. Продав на ярмарке плетенные женой и невесткой корзины, возвращается он из Санкт-Петербурга в село Тараканьево, Измалково тож, с полной мошной, которая приятно греет ему подбрюшье.

За спиной Савелия маячит сын, восемнадцатилетний Иван, — с лицом приплюснутым, рябым, глуповатым, с глазами круглыми и, как и вся физиономия, тоже не великого ума. К вечеру приморозило, Иван зябко кутается в овчинный нагольный тулуп, прихлопывает рукавицами, натягивает шапку поглубже — аж до соломенных желтых бровей.

Савелию, напротив, жарко — заячья шуба его, хоть и траченная молью, греет хорошо. А и что ж, что молью? Мало ли кого моль поела — что же, всякий раз шубу менять? Он хозяин рачительный, цену копейке знает. А кому денег не жалко, пусть

хоть каждый год новую покупает. С таким человеком, пожалуй, и говорить не о чем, только в морду плюнуть погуще, да и то много чести! А его шубейка еще очень даже ничего, греет — а что еще от одежды нужно?

Правду сказать, грела Савелия не так шуба, как мысли, шевелившиеся в голове беспорядочно и жирно, словно тараканы в миске сметаны. Мысли были, прямо скажем, соблазнительные и даже непотребные.

О чем же думалось Савелию под скрип полозьев и посвист ветра в ушах? А думалось ему о невестке его, Дарье, об сына Ивана, стало быть, законной жене. На Покров сыграли свадьбу — и все, и кончилась спокойная жизнь у Савелия. Невестка ему попала фигуристая, статная, с белым лицом да томным взглядом. Вот взгляд этот самый, которым она то ли скользила по Савелию, а то ли смотрела куда-то вбок, — взгляд этот сильно Савелия волновал.

«Что Ванька-то — дурак, кулёма, — с досадой думал Ямщиков. — Квёлый он, где ему с такой кобылицей справиться? А вот я бы...»

Тут начинались такие мысли, что подирало Савелия по коже. Чувствовал, что грех он задумал, но не знал, как по-ученому такой грех называется. А если по-человечески, как в народе, то и совсем просто — снохачество. Дело не такое чтобы совсем небывалое: раз ему даже название дали, дело, считай, обычное. А коли так, почему бы им и не заняться?

Как-то, улучив минутку, когда остались они в избе одни, Савелий как бы невзначай огладил Дарью по круглому задку. Та — ничего, словно так и надо. Савелий осмелел, да и хватить ее за мяса. Та только голову к нему повернула и поглядела насмешливо:

дескать, и только-то, батюшка? Кровь ударила Савелию в голову, прижал он Дарью к стене, притиснул, горячими руками схватился за тугую грудь. А она ничего, не сопротивляется, все смотрит с вызовом прямо в глаза. Тут бы и случиться греху, да в самый неподходящий момент скрипнула дверь, вошел в избу сын — еле успел Савелий руки от Дарьи убрать, прикинулся, как бы и не было ничего.

Другой уж раз подстерег он невестку в хлеву и уверен был, что тут-то оно и сладится, — и снова нет: жена явилась, карга старая, как почувяла чего. Опять еле ноги унес, но только, кажется, старуха все поняла — ревнует к молодке, щерится злобно беззубым ртом. Жена-то старше Савелия на три года, женили его, только пятнадцать стукнуло, а посмотришь на нее — в матери ему годится, а то и в двоюродные бабушки. Оно и понятно: когда помоложе была, год за годом рожала детей, вот и состарилась раньше срока. Но только всё зря — дети все померли во младенчестве, один Ванька выжил, сидит вон за спиной, глазами лупает.

Одним словом, как увидела жена Савелия вместе с Дарьей, так и повадилась за ним повсюду ходить: куда он, туда и она. А куда ей нельзя или неподобно, так сын с ним увязывается — похоже, старуха все ему обсказала, теперь вот вдвоем ревнуют, чтоб веселее. Как говорится, сын да жена — одна сатана.

Вот оттого и горело злобой крестьянское сердце Савелия, оттого и было ему жарко сейчас, как будто черти, зная про его грешки, заранее взялись поджаривать его на горячей сковородке. А еще казалось, что чувствует он затылком ревнивый, ненавидящий взгляд Ваньки.

Савелий невольно поежился: а ну как схватит сынишка лежащий в санях колун да и вдарит отцу родному прямо по темечку, чтобы раскололась голова, будто гнилой арбуз? Ну, на открытом месте, может, и не посмеет Ванька арбузы колоть, а вот въедут они сейчас в ближний лесок — так и непременно.

Сани, действительно, легко въехали в лесок, покатались между соснами. Стало темнее, ночная тень от сосен легла на дорогу, белый снег с трудом разжижал темноту. Савелий почувствовал, как каменеет у него затылок. Кажись, сейчас самое время Ваньке его порешить. И то сказать: раз — схватил колун, два — вдарил по темечку. Потом закопал отца родного в снегу под деревьями — и готово дело, до весны никто не найдет. А весной и в землю перекопать можно, чтоб лежал по-хорошему, по-христиански.

При таких мыслях мороз пошел по коже у Савелия, в глазах сделалось темно. Как быть-то, люди добрые, неужто ни за грош пропадать от собственного сына? Пропадать, пропадать, ничего, видно, не попишешь...

Тут, однако, в голову ему пришла новая мысль. А если не ждать ничего, а самому взять колун да и врезать Ваньке промеж глаз?! А? Взять да и врезать, а потом в снег его, и домой. А коли спросят про Ваньку, сказать, что ушел погулять по Петербургу, а назад не явился. А после при удаче и старуху-жену спихнуть в колодец — вроде как несчастный случай, — а самому зажить мирком да ладком с невесткою. Заживут хорошо, новых детишек настругают, и не таких, как Ванька, а ровных, гладких, как огурчик.

За сладкими мыслями он совершенно забылся и пришел в себя, только когда каурая вдруг встала как вкопанная. Савелий глянул вперед, различил в сумерках поперек дороги разлапистую ветку — видно, ветром сломало, а то ли под снегом на землю обрушилась. Каурая переминалась с ноги на ногу, не могла идти дальше.

— Батюшка, глазнапы, — бормотнул за спиной его Ванька и даже, кажется, икнул со страху.

Савелий повернулся к нему: какие, к матери, глазнапы и откуда им тут взяться?

— Да вон, прям из пня растут, — и сын ткнул пальцем вбок, в чашу, — пень на нас таращится.

Савелий глянул, куда было ткнуто, увидел черную трухлявую пасть широкого пенька, но никаких глаз, конечно, не разглядел.

— Чудится тебе, дураку, — проворчал, — откуда у пня гляделки?

С тем Савелий передал поводья сыну, а сам полез из саней — расчищать путь.

Однако предприятие его не вышло: едва он соскочил на землю, прямо в морду ему уставилось ружье. Держал ружье улыбчивый чернявый мужик с кудреватой бородой. Светлый тулуп, подпоясанный красным кушаком, и крупные, как у коня, белые зубы выдавали в нем цыгана.

— Ну, дядя, распечатавай мошну, — велел чернявый, весело оскалась во весь рот.

Савелий обомлел. Что же это, люди добрые? Рази ж цыганы грабят, рази ж душегубствуют? Цыганы, одним словом, песни поют, коней уводят, в солдатах служат... А чтобы в живого человека целиться — отродясь у них такого в заводе не было.

— Надьсь не было, нонче будет. — И цыган выразительно качнул ружьем.

Савелий, стеная и жалуясь на судьбу, полез к поясу за деньгами. Но тут раздался глухой удар, и супостат без лишних слов повалился на землю. Две темных фигуры — одна повыше, другая пониже — высились в сумерках над поверженным телом.

Ямщиков осенил себя крестным знаменем и хотел уже возблагодарить Господа за неожиданное спасение, но рука его замерла в воздухе. В сгустившейся тьме спасители его гляделись благородными господами за одним только вычетом — оба голые, как черти.

Ванька за спиной отца сидел в санях истуканом, открывши рот от изумления.

Тем временем черт, который повыше, взглянул на лежавшего без памяти блудного сына индийской земли, хмыкнул и сказал загадочно:

— Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочают...

— Ась? — угодливо переспросил Савелий.

Черт обжег его огненным взглядом.

— Раздевайся, старинушка...

— То ись как? — Голос крестьянина дрогнул. — К-куды?

— Портки сымай, дядя, — вмешался черт пониже, поднимая с земли цыганское ружье. — И шубу тоже. И не разводи философию почем зря, с тобой тут не шутки шутят.

Услышав слово «философия», цыган шевельнулся в снегу, выбранился в беспамятстве и снова затих.

Выйдя из оцепенения, Савелий и сын его стали торопливо разоблачаться. Потрясенные происходящим,

они не увидели, как в темноте из широкого пня выбрался леший — бородатый карла размером в полчеловека — и бесшумно исчез в чаще...

Не прошло и часу, а карла уже входил в дом Потемкина на Галерной, где были гостиничные номера. Никто его не остановил — в Санкт-Петербурге привыкли к карлам, многие знатные семьи имели их у себя для увеселения, да и не по одной еще штуке.

Нумер, куда явился карла, был хорошо обставлен — зеркала в богатых рамах, покойные кресла, мягкие диваны, зеленого сукна стол для игры в карты. Свечи в люстре под мрачным сводчатым потолком играли тенями и отбрасывали трепещущий свет на хозяина жилища — высокого человека с величественными и мягкими чертами лица. Его волосы были белыми, белым было лицо, и даже одет он был во все белое — только глаза голубые, как будто отразились в них новорожденные весенние небеса.

Бородатый карла преданно стоял перед белым человеком, запрокинув сморщенное личико к потолку, — гномья борода его глядела вперед, словно лопата. Хозяин же номера смотрел на него сверху вниз ласково и чуть тревожно.

— Итак, они прибыли.

— Точно так, ваша свет... — начал карла, но собеседник прервал его.

— Ваша милость, — сказал он, голос у него был глубокий и мягкий, — ваша милость.

— Виноват, ваша милость, — склонил голову карла. — Прибыли.

Лицо его милости сделалось мрачным. Он отошел к окну и стал вглядываться в темноту, чуть разжижаемую желтым светом уличного фонаря. Мол-

чание тянулось тягостно, словно вечность. Наконец белый человек заговорил, не глядя на карлу:

— Точно ли ты уверен, что это они?

— Кому же еще быть? Двое голые среди леса в мороз — не кто иной должно быть, как они.

— И куда же они направились?

— Не могу знать, ваша све... ваша милость. Сели в сани, дернули вожжи — и давай Бог ноги.

Белый человек помолчал еще немного, все так же глядя в дрожащую тьму зимней столицы.

— Ну, ничего, — сказал он, — ничего. Они себя еще покажут. Непременно покажут, вот увидишь.

После этого он отвернулся от окна и подошел к карле. Несколько времени смотрел на него все так же ласково, потом выговорил, словно извиняясь:

— И все ж таки, братец, как оно там дальше сложится — никому не ведомо. Так что ты будь любезен, поди и найди их.

Карла поднял черные глаза, необыкновенно большие на маленьком его сморщенном личике, растерянно развел руками.

— Да где же прикажете искать, ваша милость, — Петербург велик. Хоть целый год ищи тут человека, а коли он сам не захочет, ни за что не доищешься.

— Да уж знаю, братец, нелегко, — его милость сочувственно покачал головой, — а только расстарайся, и не в службу, а в дружбу. Разбейся вдребезги, вывернись наизнанку, но, уж будь любезен, найди.

Что-то такое промелькнуло в его голосе, что карла не стал больше задавать вопросов и в превеликой задумчивости покинул комнату. Хозяин номера походил по комнате из конца в конец, потом встал, прислушался и вдруг сказал негромко:

— Сударыня, прошу вас.

Ответом была тишина. Подождав секунду, белый человек возвысил голос:

— Сударыня, не заставляйте меня ждать. Соблаговолите войти.

Дверь открылась, и в комнате явилась дама в простом фиалковом платье, темной шляпке, темной же вуали и фиалковых перчатках. Она подошла к хозяину номера, взяла его руку своими двумя и поднесла к губам для поцелуя.

Белый человек, однако, осторожно отнял у нее руку и сказал с легким упреком:

— Что вы, к чему? Не нужно этого, совсем не нужно.

И, словно желая упредить новые поползновения, быстро надел на руки белые перчатки. Затем снова взглянул на гостью, по губам скользнула легкая улыбка.

— Вы, мадам, разумеется, все слышали.

Лицо дамы под вуалью даже не дрогнуло.

— Вы думаете, ваша светлость, я способна подслушивать?

— Я крайне высокого мнения о ваших способностях, — сухо зато отвечал его светлость. — Не сомневаюсь, что вы подслушивали бы даже под страхом смерти. Так или иначе, вы наверняка уже все поняли.

— Все, кроме того, кто такие эти они, прибытия которых вы так ждали.

Грустная улыбка тронула губы его светлости.

— Они — это враги, — отвечал он. — Страшные враги, способные уничтожить не только плоды наших трудов, но и нас самих. Больше скажу: их жертвою могут стать мириады ни в чем не повинных душ.

— Неужели они так ужасны?

— Невозможно даже передать, до какой степени. — Хозяин нумера показал рукой на кресло. — Не угодно ли присесть? Впереди у нас долгий разговор, нам нужно разработать план. План, в котором вы, мадам, будете играть главную роль.

***

Балы в доме австрийского посла Карла Людвига Фикельмона пользовались необыкновенной популярностью у высшего света, и не в последнюю очередь благодаря жене его, очаровательной Долли — Дарье Федоровне Фикельмон, внучке славного фельдмаршала Кутузова. Еще большей популярностью пользовались балы-маскарады, устраиваемые этим семейством.

Нынешний маскарад не стал исключением.

Сияли под потолком хрустальные люстры в сотню свечей, заливая ярким светом роскошный бальный зал, способный вместить целый полк драгун вместе с их лошадьми. Правда, когда здесь появлялся драгунский или какой другой офицер, он, согласно распорядку, оставлял свою саблю в прихожей у швейцара. Да и мало кто являлся на маскарад в военном мундире: обыкновение требовало от мужчин соблюдать правило бального костюма — фракная пара любой расцветки, плащ или домино, а также белый жилет, белый галстук, башмаки, но никак не сапоги. Главным отличием маскарада от обычного бала были шляпы и маски-венецианы — в том случае, если мужчина хотел непременно соблюсти инкогнито, точнее сказать, подать себя оригиналом. Среди таковых оригиналов попадались великие затейники: как-то раз некто таинственный приехал на маскарад в наряде схимника. Сжигаемые любо-

пытством драгунские офицеры проследили за ним прямо до дома, и это оказался граф Р. Другой шалун нарядился Амуром, но только не совсем голым, а в телесного цвета сорочке и прозрачных кисейных панталонах, с луком, стрелами, да вдобавок к сему еще и с камергерским ключом.

Дамы на маскарадах обычно выступают в разноцветных масках-баутах и летучих накидках-домино, плотно закрытых спереди, чтобы даже по случайной родинке на плече нельзя было их узнать. Ибо бал и маскарад разнятся по самой сути своей: на обычном балу дамы и барышни стремятся показать себя, а на маскараде, напротив, скрыть. За маской и в домино любая почти женщина кажется загадочной и соблазнительной, и такова на самом деле она и есть — мужчине рядом с ней видны лишь губы или глаза сквозь прорезь маски, и все в ней соблазн, все искушение... О, эти чарующие разговоры, когда двое несутся в туре вальса или между танцами, когда кавалер во что бы то ни стало хочет разгадать свою партнершу, она же не поддается на хитрые уловки, интригуя партнера все больше и больше. Сколько интрижек завязалось на маскарадах, сколько верных мужей были сбиты с пути истинного, сколько юношей потеряли голову!

Ежели, танцуя с таинственной маской, кавалер угадывает, кто она, галантный этикет предписывает не говорить об этом вслух, но лишь начертать на ладони своего предмета первую букву имени. И если он угадал, дама может кивнуть, признаваясь, а может и молча ускользнуть, оставив его в мучительных размышлениях, угадал он все-таки или нет?

Завятыя сердцееды не спешат увлечь в кадрили или мазурку приглянувшуюся маску. Они флани-

руют по залу, присматриваясь к самым загадочным и изящным домино, чтобы, наконец, сделать верный выбор и спикировать на жертву, словно сокол на ласточку.

На маскарадах иной раз случаются смешные казусы. Нередко какой-нибудь муж вдруг увлечется скрытой под маской чаровницей, а та впоследствии окажется его благоверной, с которой он прожил добрый десяток лет и прижил несколько детей.

Бывают и более курьезные случаи. Как-то на балу у Голицыных одному аристократическому юноше приглянулась маленькая изящная дама в золоченом домино. Он говорил и танцевал с ней полвечера, и в конце концов та разрешила ему провожать ее с маскарада. Трепеща от волнующих предчувствий, он поехал в одной карете с загадочной маской. Но, доехав до места, вдруг понял, что перед ним — его собственный дом, а под маской — его собственная мать.

— Возвращайся на бал, коли хочешь, — сказала та обескураженному сыну.

— Нет уж, я лучше останусь дома, — сердито отвечал молодой человек, — а то, не ровен час, еще бабушку там встречу.

Как ни странно, и такое может случиться. Кроме молодежи и людей средних лет на балы являются и дамы преклонного возраста, великосветские старушки. Впрочем, старушками их зовут хоть и ласково, но исключительно за глаза, поскольку старушки эти обладают в свете нечеловеческой властью и способны ломать судьбы и репутации или, напротив, поднимать людей к вершинам карьеры.

Вот что пишет об этих почтенных дамах друг Пушкина Петр Вяземский: